

СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН

Аль-Лат

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Сергей Петросян

**Аль-Лат. Повесть
о первой любви**

«Издательские решения»

Петросян С.

Аль-Лат. Повесть о первой любви / С. Петросян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835909-5

Настоящий мужчина не боится боли и смерти. Есть цель и есть враг,
который стоит на твоём пути. Но как, оказывается, сложен бывает
выбор между любовью и долгом...

ISBN 978-5-44-835909-5

© Петросян С.
© Издательские решения

Аль-Лат

Повесть о первой любви

Сергей Петросян

*«Будь осторожен – не дай Женицине заплакать,
Потому что Аллах считает её слёзы!
Женицина произошла из ребра мужчины.
Не из ноги, чтобы быть униженной,
Не из головы, чтобы превосходить,
Но из бока, чтобы быть бок о бок с мужчиной, чтобы быть
равной с ним.
Из под руки, чтобы быть защищённой,
И со стороны сердца, чтобы быть любимой...»*

Джан Юджель

© Сергей Петросян, 2016

© Сергей Владимирович Петросян, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5909-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поездка в Гагры ей досталась, как все считали, незаслуженно – второй год всего «чернявенькая» работает, а уже и в отпуск в июле, и по профсоюзной цене на море. За три дня до отъезда позвонили из профкома – путевка горит! За 32 рубля на три недели в санаторий каждый мечтает съездить, да не у каждого получится в такой спешке. Кто уже на август отпуск запланировал (и билеты купил), а кого внуки на даче ждут. Одним словом, все попереживали, поохали, да никто кроме Аллы сразу сорваться не смог. И с билетом повезло – два дня в авиакассах на углу Невского и Гоголя потолкалась, и купила «с брони». Даже переплачивать никому не пришлось. Отпускных хватило в обрез на путевку и дорогу, но это ее беспокоило мало. В санатории питание четырехразовое, кино, танцы... Купальник, босоножки и сарафан прошлогодние – почти новые, да у Светки можно рублей тридцать до зарплаты перехватить – на мороженое и на лимонад хватит. Мама, помогая складывать сумку, заметила:

– Видишь, доченька, как тебя на работе ценят, – и, грустно улыбнувшись, добавила. – Папа всегда говорил: «Делай, что должно, и будь, что будет».

– Мама, это Марк Аврелий говорил, – заметила Алла.

– Ну глупого человека Марком не назвали бы...

Папа Аллы работал бухгалтером на овощебазе, но не только богатства не нажил, но даже не смог позволить жене не работать. Умер от инфаркта после очередной проверки, когда Алле было три года. Проверка нарушений не выявила...

Из ленинградского моросящего дождя и пахнущего мятными конфетами салона Ту-154 пассажиры попадали в душную южную ночь с радостью и испугом. Адлер ошарашивал. Пока северяне вдыхали испарения нагретого за долгий солнечный день асфальта и смоляной дух кипарисов, начиналась яростная атака решительных южных таксистов, одетых в одинаковые майки-сеточки. Повертев на указательном пальце ключи в качестве приветствия и удостоверения профессиональной принадлежности, они подхватывали багаж и неслись к своим «Жигулям», «Москвичам» и «Волгам». Перепуганные владельцы чемоданов бежали за ними вприпрыжку. При этом горцы, не переставая, выкрикивали экзотические

названия населенных пунктов по пути предстоящей поездки: «Хоста! Дагомыс! Багрипш! Гагра!» Усадив ошалевшего курортника в машину, исчезали в поисках очередной жертвы, которую безошибочно определяли по бледному цвету лица и растерянному взгляду.

Алла двумя руками вцепилась в ручки синей спортивной сумки и решительно направилась к стоящим вдалеке автобусам. Все попытки завладеть ее багажом (а также свободой и кошельком) она пресекала без колебаний, так что майки-сеточки остались ни с чем. Увы, последний автобус на Гагры ушел почти час назад. Стоявшие с распахнутыми багажными отсеками «Икарусы» все были приписаны к сочинским санаториям и ждали «своих больных», как выразился пожилой водитель в капитанской фуражке. Пришлось возвращаться к таксистам. Цена в пятнадцать рублей, заявленная пожилым кавказцем на старой «Волге» с портретом Сталина в углу лобового стекла, привела ее в ужас. Всего в коленкоровом кошельке лежало восемьдесят рублей, сорок два из которых надо было сохранить на билет домой.

– Я на такую сумму не рассчитывала, – пролепетала Алла и почувствовала, что веки ее набухли от готовых политься слез.

– К Арчилу иди, – раздраженно махнул рукой владелец «Волги». – Желтый «Москвич» видишь? Он сам гагрский – договаривайся.

Маленький коренастый усач критически осмотрел пассажирку. Оценил ее маленькую сумку с вещами и дешевые пластмассовые бусы на шее.

– Профсоюзная? – строго спросил он.

– Д-да.. – не сразу сообразила Алла, – по путевке, в санаторий имени Челюскинцев.

– Четыре рубля с тебя, – Арчил величественным жестом указал ей на дверцу своего рыдвана.

Так она оказалась на заднем сидении между пышущей жаром полной грузинкой, одетой во все черное, и пожилым курортником в соломенной шляпе. Пожилой нервно вертел головой и полями своего канотье больно елозил по Аллиному уху. Впереди, рядом с водителем сидел худой старичок в серой войлочной шапочке и черной застиранной рубашке. Его огромный мешок Арчил долго пристраивал в багажнике. Наконец все устроились, мотор, натужно откашлявшись черным дымом, завелся, и «Москвич», весело жужжа, понесся вдоль бетонного забора аэропорта. Позади остался огромный плакат «С курортов Краснодарского края – самолетами Аэрофлота!» Неожиданно Алла увидела море. Возшедшая луна освещала огромную, до горизонта поверхность и отражалась в ней желтой дорожкой, бегущей по покрытой мелкой рябью поверхности навстречу автомобилю.

Не снижая скорости, Арчил, оставив одну руку на руле, интимно прилег на колени старичку и принялся рыться в бардачке. Нашарил потрепанную кассету и с громким всхлипом воткнул ее в спрятанную под торпедой магнитоу. «Гоп-стоп, магазин номер сэмдэсят адын!» – раздалось из хрипящего динамика. Очарование лунной ночи сразу пропало, а пожилой курортник в очередной раз больно царапнул Аллу своей шляпой.

* * *

Хлопки одиночных выстрелов и автоматных очередей, доносившихся со всех концов лагеря, заглушал грохот профильного железа. Почти все дома в Шатиле были построены из серых оцинкованных листов и пули прошивали их насквозь, оглушая оставшихся в живых двойным ударом – правая стена, левая стена. Иногда добавлялся звук разлетающихся в мелкие брызги стекол. Сентябрь – жаркий месяц в Ливане

и солнце раскалило железные листы. В бараке было жарко, но Шакиба знобило от ощущения близкой смерти. Он опрокинул набок кровать с пружинной сеткой и вжался в дощатый пол. Разумеется, стальная проволока не могла спасти от выстрела из Калашникова, но почему-то даже эта преграда притупляла чувство страха. Дверь с треском распахнулась под ударом кованого ботинка. Фалангист в израильской каске подслеповато шурился, глядя в полумрак барака сквозь прицел М-16. Через металлическую сетку Шакиб отчетливо видел человека, который пришел, чтобы УБИТЬ ЕГО. Враг стоял на одном колене, целясь в грудь матрасов и солдатских одеял, сваленных в дальнем углу. Хорошо был виден красно-белый шеврон с ливанским кедром на рукаве и татуировка в виде маронитского креста на запястье. Просить пощады, сдаваться в плен не имело смысла – задача у гостей была простая: убить всех, кто окажется на территории лагеря. Панцирная сетка предательски зазвенела от близкого взрыва, и гость, безошибочно определив источник звука, выпустил очередь прямо в ненадежное укрытие вросшего в пол человека...

Шакиб резко сел в кровати и зажал себе рот, чтобы криком отчаяния не разбудить соседей по казарме. За полгода в училище ночные кошмары почти перестали его мучить, и вот – опять.

Занятия с утра до вечера, учебные тревоги по ночам, дружное валяние дурака в часы самоподготовки, редкие поездки на автобусе в Симферополь по воскресеньям – все это отвлекало от тяжелых воспоминаний. Чернокожие курсанты из ФРЕЛИМО умудрялись проносить в казарму русскую водку и докторскую колбасу. Из столовой прихватывали черный хлеб, густо намазанный горчицей, и после отбоя устраивали «жамтар» – пирушку на сдвинутых в квадрат четырех тумбочках. Палестинцев на курсе было трое, и поначалу они сторонились безудержного веселья под мозамбикские мелодии, несущиеся из старенького магнитофона. Шакиб еще в Ливане пробовал местное пиво, но в глубине души считал это грехом, позволительным только заклятым врагам – христианским фалангистам и иудеям. Водка же в сочетании с колбасой, сделанной из неизвестного мяса, казалась ему пределом вероотступничества, не предусматривающим прощения. Через полтора месяца, когда словарный запас позволил курсантам сносно объясняться друг с другом по-русски, один из африканцев-мусульман поведал ему, что Аллах позволяет отходить от запретов, когда правоверный находится в походе. «А здесь, в Перевальном, *военное* училище. Значит, мы все – в походе!» – многозначительно заключил чернокожий толкователь Корана.

В тот первый раз водка обожгла ему нёбо и язык, но вкус докторской колбасы с горчицей оказался неожиданно приятным. В здешней столовской пище ему не хватало остроты арабской кухни, к которой он привык с детства. Разваренные макароны с сыром и пресные биточки набивали желудок, но ноздри не чувствовали запаха продуктов, лишенных ароматов специй. Еда радости не доставляла, и в столовую Шакиб ходил, как на медицинскую процедуру. Сейчас же теплая волна опьянения в сочетании острой, вышибающей слезу, горчицей напомнили ему что-то неуловимо родное. Мягкий зной пустыни после захода солнца, острые шарики фалафеля на лепешке, разъедающий глаза дым ночного костра... Русская горчица и водка вызвали целую гамму чувств из недавнего прошлого – и приятных, и тех, о которых хотелось забыть навсегда.

Шакиб сел в кровати, нашарил ступнями солдатские тапочки и, шлепая резиновыми подметками, побрел на свет дежурной лампочки возле поста дневального. «На тумбочке» никого не было, зато из каптерки доносились приглушенные голоса и звяканье стекла о край жестяной кружки – самые стойкие африканцы продолжали свой жамтар. Зайдя в умывальник, он первым делом напился из крана, складывая ладонь лодочкой. Вода отдавала ржавчиной, но сразу стало легче – ушли тошнота и царапающая сухость во рту, однако в висках

продолжало стучать. Тогда он оперся руками о раковину и сунул голову под струйку воды. Вспомнились слова хадиса: *«Если же человек вернётся к вину в четвёртый раз, он будет достоин того, чтобы Аллах заставил напоить его гноем тех, кто окажется в пламени ада»*. Усмехнулся: «Еще три раза в запасе».

Тогда, в сентябре 82-го в Шатиле, жизнь ему спасли, как это ни удивительно, ненавидящие израильтяне. Уже в сумерках в лагере появились солдаты генерала Ярона из 96-ой мотопехотной дивизии ЦАХАЛ. Им удалось остановить бойню, встав между фалангистами, пришедшими мстить за убитого президента Жмайеля, оставшимися в живых бойцами ООП и их союзниками из Пакистана и Алжира. Христианин прострелил ему плечо, но добить не успел – двое израильтян появились на пороге. Уцелевших палестинцев согнали в два барака и выставили охрану. Шакиба наскоро перевязали и с остальными ранеными отправили на крытых грузовиках в Бейрут. Развезли по разным госпиталям, поэтому особо не охраняли. Через три дня, поняв, что рана не опасная, он даже не сбежал, а просто не вернулся после перевязки в палату – ушел в город.

Возвращаться в Шатилу, превратившуюся в лагерь для интернированных палестинцев, не имело смысла. Больничная куртка и армейские штаны привлекали внимание прохожих. Жители Бейрута одевались традиционно по-европейски, и даже война не заставила их отказаться от начищенной обуви и модельных причесок. Стараясь не попадаться военным патрулям, отправился на ближайший базар. Народ там был одет попроще и, как на любом базаре любой страны, можно было узнать новости, недорого поесть и найти пристанище. Так и получилось – почти сразу его остановили знакомые офицеры, сбежавшие из Сабры. Привели в огромный подвал на окраине, превращенный в казарму-укрытие. Там уже собралось около сотни оказавшихся вне закона бойцов ООП. Долго подбирали гражданскую одежду из большого тюка. Все ходовые размеры разобрали – пришлось довольствоваться тренировочным костюмом с неизвестными иероглифами на груди. Таких «спортсменов» в подвале оказалось еще двое – высокий худой парнишка из Рамаллы по имени Адиль и коренастый Жамал из Бейт-Хануна. Места для сна им тоже выделили в одном углу – три матраса на полу, так как нары и деревянные топчаны к их появлению были уже заняты. Вместе ели рис и мясо с лепешек, сидя вдоль стены на полу, вместе жадно слушали новости об уходе израильтян из Ливана, вместе по ночам ходили на заработки в порт. Их привыкли видеть втроем и называли общим именем – Спортсмены.

Закончилась летняя жара. В подвале стало сыро. Появились китайские термосы с горячим чаем и две металлические печки. Дрова стоили дорого, поэтому топить начинали только вечером, а днем грелись на солнце. По городу старались лишний раз не передвигаться – отсиживались во дворе, а ворота, чтобы не привлекать внимания израильтян и фалангистов, завалили всяким хламом. Спортсмены, работавшие по ночам в порту, утром ложились спать в сыром помещении, стащив на себя соседские одеяла. Просыпались к обеду, чтобы не пропустить раздачу. Не спеша ели, потом Адиль включал транзистор. Начинали с сирийских станций – слушали бодрые репортажи о решительной международной поддержке политики Хафеза Асада и трусливом поведении израильтян. Шакиб при этом вспоминал страшные июньские дни, когда Израиль в ходе операции «Мир Галилее» ввел войска в Ливан, за два дня уничтожив сирийские ракетные установки в долине Бекаа и десятки сирийских МИГов. Воздушная битва развернулась прямо над Бейрутом. Бойцы ООП могли только наблюдать, бессильно сжимая кулаки, как в море падают подбитые истребители с черно-красными флажками на фюзеляжах. Проклятые сионисты умудрились не потерять в этом сражении ни одного самолета. А на следующий день в город вошли израильские танки...

* * *

Санаторий имени Челюскинцев впечатлял своей основательностью. Исчезающая вдали высокая кованая ограда на каменном фундаменте и будка проходной с турникетом сразу давали понять – здесь вам не пансионат выходного дня и не пионерлагерь от птицефабрики. Строгий вахтер в «сталинском» кителе и с красной повязкой на рукаве долго и придирчиво рассматривал Аллину путевку, стараясь заметить малейшие признаки подделки. Не обнаружив криминала, спросил, пристально глядя в глаза:

– Соколовская? – Алла кивнула. – Санаторно-курортная карта есть?

Карту в суматохе сборов она оформить не успела и испуганно замотала головой. Вахтер, величаво взмахнув рукой, успокоил:

– Здесь врачей пройдешь. Сейчас в главный корпус иди, к дежурной. Скажи – Шалва Георгиевич прислал.

Вахтер нажал на педаль под столом, и турникет, скрипя, пропустил Аллу на территорию.

Ярко освещенная желтыми фонарями аллея начиналась с какой-то монументальной скульптуры. Причудливая тень от огромной пальмы не позволяла разобрать подробности и очертаниями напоминала Лаокоона с сыновьями в тяжелый момент борьбы с земноводными. Подойдя поближе, Алла прочитала надпись на аккуратной табличке: «*Пограничник Карацупа и его собака Индус в засаде*». Видимо, здесь новоприбывший курортник должен был окончательно убедиться, что строгая форма этого серьезного учреждения полностью соответствует внутреннему распорядку. «*Эти глаза напротив – пусть пробегут года...*» – донеслось, видимо, с танцплощадки. «Всюду жизнь», – успокоилась Алла и весело зашагала к виднеющемуся в глубине аллеи монументальному крыльцу.

– В карантин тебя положу, – сердито сказала пожилая армянка в белом халате. – Свободных коек сейчас нет.

– Как в карантин? – испугалась Алла. – Там же заразные лежат!

– Никто там не лежит. Швабры там лежат. И ведра лежат. Завтра тебе место найдем.

Алла, стесняясь и оглядываясь на дверь, достала из сумки коробку конфет «Белочка». Ее в последний момент заставила взять мама: «В медучреждения без сладкого не ходят. Сразу дай понять, что ты – не сирота с вокзала!»

– А сегодня место найти можно?

Густые седые усы медсестры растянулись в довольной улыбке:

– Сегодня нельзя, но завтра *хорошую* койку поищем.

За белой дверью со стеклянной табличкой «*Карантин*» действительно ровными рядами стояли швабры, а вдоль стены вытянулся узкий коленкорový топчанчик с возвышением для головы.

– Белье держи, – армянка вручила ей стопку простыней, – завтра с собой на новое место захватишь.

– А помыться с дороги где? – робко спросила Алла.

– Зубы в коридоре почистишь. Там, в конце раковина есть.

– А все остальное?

– Вон – море рядом, – махнула рукой медсестра в сторону темного окна, – иди и мой все остальное, сколько хочешь.

«*You're My Heart, You're My Soul*», – донеслось с далекой танцплощадки.

Хорошая койка нашлась на втором этаже нового корпуса – скучной бетонной коробки, к которой вела длинная кипарисовая аллея. Нужная дверь оказалась открытой настежь.

Немного потоптавшись на пороге, Алла заглянула внутрь. На кровати сидела девушка в футболке и, закусив губу, сосредоточенно наносила яркий лак на ноготь большого пальца ноги.

– Здравствуйте, – тихим голосом, стараясь не напугать неожиданным появлением, произнесла Алла, – я ваша новая соседка.

– У-у-м.. – не отрывая напряженного взгляда от кисточки с лаком, кивнула девушка.

– Меня Аллой зовут.

Соседка, закончив мазок, подняла покрашенные глаза:

– Слава Богу!

– Вам имя мое понравилось?

– Да нет, – рассмеялась девушка. – То есть имя тоже хорошее. Просто тут до тебя старая мырма из Москвы жила. Вчера уехала. Достала меня своими нотациями: «Сарафан неприличный. Поздно не гуляй..» Спать ложилась в десять вечера и дверь запирала. Поверишь – я в комнату на второй этаж через балкон залезала. Думала, мне опять какую-нибудь старую вешалку подселят.

– Я поздно ложусь, – заверила Алла. – А вас как зовут?

– Жанна, – протянула свободную левую ладонь соседка. – Я из Минска. А ты?

Алла пожала протянутую руку:

– Я из Ленинграда.

– Ленинград... – мечтательно потянула девушка, – город дождей и мостов. Была я там в еще в школе на экскурсии. Потом ухажер был ленинградец. На практику к нам приезжал. Гуляли с ним целое лето, к бабке моей в деревню ездили, но уехал и в гости не позвал. Да и черт с ним – здесь персонажи поинтереснее попадают.

Алла улыбнулась – слова «деревню» и «поинтереснее» у Жанны прозвучали как «д~~я~~ревню» и «поин~~т~~яреснее».

– Чего смеешься? – по-своему истолковала Аллину улыбку соседка. – Тут студенты-иностранцы отдыхают. Арабы, латиноамериканцы – на любой вкус. Если кого привести захочешь – только скажи, я на берегу посплю. Ну, и наоборот, когда мне понадобится.

– Как это – на берегу? – удивилась Алла. – На камушках?

– «На камушках», – передразнила Жанна. – Здесь процедура такая есть – «сон у моря». Для этого на пляже веранда построена. С кроватями. Только записаться заранее надо. Ладно, хватит болтать – на пляж пора.

Соседка встала с кровати и, растопырив пальцы ног, чтобы не смазать свежий лак, на пятках пошла к балконной двери. По дороге стянула через голову футболку и бросила ее на стул.

– Ты куда, без верха-то?! – только и успела охнуть Алла.

Жанна крутанулась на пятках, синхронно колыхнув острыми сосками:

– Да никто наверх-то не смотрит. Кого тут стесняться – ветеранов? Иностранцы все в старом корпусе живут.

– Так еще и дверь открыта...

– Я ее специально не закрываю – жарко без вентилятора. Если бы не бабка из Москвы, я бы и ночью с открытой дверью спала. Натягивай купальник – айда на пляж!

Жанна все также на пятках, потряхивая грудью, зашагала на балкон и принялась снимать с натянутой веревки пляжное полотенце и купальник. Немного помявшись, Алла все-таки прикрыла дверь в коридор.

Пляж оказался довольно просторным – места хватало всем, и перешагивать через плотно уложенные тела в поисках свободного клочка гальки необходимости не было. Последний раз Алла была на море еще школьницей. Мама по настоянию родни повезла ребенка в Евпаторию. Ужасно обидно было, несмотря на каникулы, вставать в семь утра,

чтобы успеть занять место на пляже. Здесь же люди лежали на почтительном расстоянии друг от друга, вольготно расставив вокруг себя сумки и тапочки. Группа молодых парней восточного вида, поглядывая на обтянутые купальниками женские тела, перебрасывалась волейбольным мячом, периодически отбивая его в сторону особенно понравившихся форм.

Каменная подпорная стенка отделяла полосу гальки от санаторского парка, поэтому спускаться к морю надо было по металлической лесенке. Зато сверху открывался потрясающий вид на море, аккуратно вписанный в рамку из раскидистых пальм. Алла сразу пожалела, что не взяла с собой «Смену» – маленький фотоаппарат, подаренный бабушкой на окончание школы.

– Хватит любоваться, – Жанна потянула подругу к лестнице, – пошли, а то всех кавалеров разберут.

Внизу произошла небольшая заминка – Алла хотела сразу же занять место поближе к воде, но соседка решительно потянула ее в сторону и заставила расположиться рядом с волейболистами. Пришлось подчиниться. Разложив выцветшее покрывало с бабушкиной кровати на камнях, она стала стаскивать сарафан под хмурым взглядом Жанны.

– Купальник у мамы одолжила?

Алла удивленно оглядела себя, наклонив голову:

– Почему у мамы? Мой купальник. В прошлом году купила. Гэдээровский, чистая шерсть.

– Понятно. А лежать на этом будешь? – Жанна брезгливо поморщилась на бабушкино покрывало.

– Так чистое оно. Перед отъездом стирала.

– И штопала... Пойми ты, дуреха, ведь женщина, как картина – хорошей рамы требует. Природная красота – это, конечно, здорово, но ведь ее подчеркнуть надо, чтобы сразу заметили. Ты же сюда не на год приехала, чтобы принц успел в лохмотьях золушку разглядеть, – Жанна продолжала придирчиво оглядывать Аллу. – Ноги давно брила?

– Зачем?

– Все ясно. Сегодня после обеда на рынок поедem – будем оправлять наш бриллиант...

* * *

Портрет Лейлы Халед принес с рынка Джамал. Нашел клейкую ленту и повесил у изголовья своего матраса. Шакибу нравился этот снимок – красивое юное лицо, мужской плавок-куфия на волосах, тонкие пальцы сжимают АК-47.

– Девушки за нас воюют, – сказал Джамал, ткнув пальцем в портрет. – Пусть висит, чтобы мне стыдно было. Которую неделю в подвале как крысы прячемся.

Эта девушка была кумиром палестинской молодежи. В Европе ее, наверное, назвали бы «секс-символом», но любовь арабских парней не имела откровенно эротического подтекста. Они не были монахами, однако представить себя в постели с предметом своего обожания было бы для них слишком смело. Все их познания о всепоглощающем чувстве складывались из суфийских притч о Лейли и Меджнуне, где образе девушки изображается Бог, а в образе Меджнуна – душа, жаждущая образа Божьего, духовного совершенства и постижения высшей Истины. Бесстрашная Лейла Халед прославилась дерзкими захватами самолетов с заложниками и стала символом сопротивления ООП. И еще она была потрясающе красива.

– Она замуж вышла. Живет в Аммане и уже не воюет, – заметил Шакиб. – А мы здесь не прячемся, а ждем вызова из резерва.

– Какой резерв?! Четыре месяца бездействия. Почти всех офицеров ООП на Кипр отправили, Арафат – в Тунисе, сирийцы ушли, фалангисты христианские по Бейруту как хозяева ходят, а евреи всем заправляют! Лейла столько за нас сделала, что имеет право

на отдых – два самолета с сионистами захватила! А мы тут сидим и ждем, когда Арафат с русскими или американцами договорится. Действовать надо!

– И как же ты действовать предлагаешь, брат? – спросил рассудительный Адиль, выключив радиоприемник, как всегда бормотавший у него на груди.

– Только террор! В открытом бою нам сионистов не одолеть. У них армия регулярная, а у нас – отряды. За час боя много ты врагов убьешь? Одного-двух. А в самолете один герой за собой сто евреев на тот свет утащит. Это математика победы.

В разговор постепенно включались соседи по подвалу, кричали, спорили, клялись Аллахом, что жизнь отдадут в борьбе с Израилем, но потом все мирно садились пить чай из грушевидных стаканчиков-армудов. Шакиб шумно прихлебывал сладкий кипяток и почему-то не мог заставить себя не смотреть на портрет Лейлы. Разговоры давно перешли на местные бейрутские новости, кто-то рассказывал о происшествиях на базаре, все смеялись, а он все смотрел на красивое лицо под платком-арафаткой и почему-то вспоминал девушку из еврейского поселения Атерет. Шакиб был еще школьником и два раза в неделю помогал дедушке продавать овощи из его фургона напротив автобусной остановки.

– Евреи – наши враги и оккупанты, – объяснял дед, – но пусть они хотя бы отдадут нам свои деньги.

Каждый четверг к отправлению вечернего автобуса туда приходила очень серьезная девушка с сумкой-тележкой. Платок тщательно скрывал ее волосы, а большие темные очки не позволяли разглядеть глаза, но Шакиб хорошо помнил тонкие длинные пальцы, которыми она то теребила кончики платка на шее, то сдвигала левый рукав, чтобы посмотреть на часы, то поправляла очки. Когда ее руки лежали на хромированной ручке тележки, он просто любовался ровными фалангами и аккуратными бледными ногтями.

– Не глазей на иудейку! – покрикивал на него дед.

Приходилось отворачиваться, но глаза все равно украдкой следили за незнакомкой. Потом подходил автобус №468 и она уезжала в сторону Иерусалима. Такие же руки были и у Лейлы на портрете. Мраморной красоты пальцы, лежащие на цевье АК-47, завораживали и заставляли забывать и о бесконечных днях ожидания, и о тяжелом труде по ночам...

– Джамал, у тебя есть невеста? – неожиданно спросил он.

– Откуда... – улыбнулся Джамал. – Старшие братья еще не женаты, а у меня, кроме этих ботинок, и нет ничего. На свадьбу деньги годами копить надо, если у тебя нет богатых родителей, а мне – еще девятнадцать. Я поработать успел только у отца на поле, а потом сразу в Ливан попал. Ничего толком делать не умею. Видно на роду мне написано – быть солдатом.

– А девушка у тебя была?

Джамал заметно покраснел.

– Нет пока. В деревне – сам знаешь, какие нравы, а в лагере не до того было. Нас и в город-то толком не выпускали. Целый день бегай, стреляй или автомат чисти. А ты успел стать мужчиной?

Шакиб грустно помотал головой:

– Та же история.

На следующий день, когда он спал после ночной разгрузки в порту, ему приснилась Лейла. Сначала Шакиб целовал ее пальцы, потом руки девушки начали делать греховные движения, о которых его, подростка, предупреждал мулла. Он стал неожиданно слабым и беспомощным, но ему это почему-то нравилось. Не сразу стало понятно, что платок на голове Лейлы не палестинский, а синий, как у той девушки из поселка Атерет. И откуда на ее лице темные очки. Иудейка?! Разрядка была, как ему показалось, бесконечной, но хотелось, чтобы она вообще никогда не заканчивалась. Шакиб нехотя открыл

глаза. Рядом крепко спали друзья-спортсмены. Остальных обитателей подвала не было – видимо, грелись на осеннем солнышке во дворе или разошлись по своим делам, так что никто не заметил его позора. Старясь не шуметь, он встал и направился в умывальник, стараясь концами рубашки прикрывать предательское мокрое пятно на тренировочных брюках.

В конце сентября появилась надежда на изменения. Израильтяне покинули Ливан, а им на смену пришли международные силы. Сняли ограничения на передвижение по городу. Руководители ООП все чаще стали бывать в Бейруте – по ночам приплывали с Крита на быстроходных катерах. Все разговоры в убежище теперь сводились к одному: «Когда?» А в ноябре соседи поодиночке и небольшими группами стали покидать подвал. Придя утром с ночных заработков, спортсмены обнаруживали все новые и новые свободные койки. Наконец, настала очередь спортсменов. Дневальный потряс за плечо спящего Джамала:

– Брат, пришел ваш час.

Не скрывая радостного волнения, привели себя в порядок. Хотя их и звали по-прежнему Спортсменами, тренировочные костюмы они уже давно поменяли на джинсовые костюмы и яркие рубашки с длинными воротниками. На бейрутском базаре, порывшись в мешках с поношенной одеждой, можно было прилично одеться даже на их гроши. В Газе, а позже и в военных лагерях они не уделяли большого внимания одежде. Больше ценилась крепкая обувь, американские военные ремни, на которые можно было повесить подсумок и флягу, а также прочные штаны с множеством карманов. Теперь же Бейрут, который по достоинству называли «Парижем Востока», плавно менял вкусы вчерашних солдат. В перерывах между обстрелами местные жители спешили по делам или сидели в уличных кафе в безупречных костюмах, а уцелевшие модные магазины процветали. Так что при первой возможности армейские ботинки менялись на лаковые туфли, а палестинский платок превратился в признак простолюдина.

Дом номер 17 на улице Факахани найти было легко, но очень непросто было к нему приблизиться – три блок-поста перегораживали ближайшие перекрестки. После придиричьих проверок документов и прощупывания карманов друзей наконец пропустили в здание. Сначала все трое долго отвечали на вопросы строгой женщины в военной форме. Ее интересовало все: где родились и выросли, где живут родственники, какие школы закончили, какими иностранными языками и военными навыками владеют... Женщина бойко стучала на машинке и периодически отправляла молодого помощника с отпечатанными листами в соседнее помещение. После этого приказала сидеть в коридоре и ждать. Прошел час или полтора, после чего их уже по одному стали вызывать в комнату, куда адъютант уносил их личные дела.

Джамал отсутствовал совсем недолго. Вернулся важный и довольный.

– Рассказывай скорее, – набросились на него друзья, – куда тебя взяли?

– *Инишлала*, больше в подвале сидеть не буду, – солидно ответил он, – завтра перебираюсь на юг.

– На юг? – удивился Адиль. – Там же израильтяне прошли – разве остались на юге наши базы?

– Фатх-лэнд снова собирает бойцов. – ответил Джамал. – Не будет иудеям спокойной жизни!

За последние несколько лет территория Южного Ливана вдоль границы с Израилем стала опорным пунктом сил ООП для нанесения ударов по врагу. Там же проходили обучение будущие шахиды и бойцы из других стран. «Тигры освобождения Тамил-Илама» и члены японской «Красной армии» обменивались там опытом с арабами из «Черного сентября», немцами из «Баадер-Майнхоф» и французами из «Аксон директ». Бывал там и легендарный Шакал – Ильич Рамирес Санчес, наводивший ужас на врагов по всей Европе.

Территория эта полностью контролировалась боевым крылом ООП – ФАТХ – получила название «Фатх-лэнд». Бойцы гордились этим топонимом, ведь по-арабски ФАТХ (*fatah*) означает «победа», а если прочесть наоборот (*hataf*), то это уже означает «смерть». Так что само название этой земли должно было приводить врагов в ужас.

Недолго отсутствовал и Адиль. Вышел, обнял Джамала:

– Мы вместе, брат!

Шакиба вызвали последним. В длинной комнате без окна было душно, да и само помещение скорее напоминало банковское хранилище – тяжелая дверь с табличкой «17» и внушительными запорами, железные шкафы вдоль стен и такой же железный стол посередине. Сидевший за этим столом седой мужчина протянул руку для знакомства:

– Имад Мугния, сотрудник подразделения «17».

При этом стало видно мокрое пятно под мышкой его голубой рубашки. Шакиб пожал протянутую руку, представился и поинтересовался:

– Подразделение «17»? Это воинское подразделение или номер комнаты?

Седой улыбнулся:

– Правильный вопрос. Штаб ООП в свое время занял этот дом номер 17 и у прежнего его руководителя, Абу Хасана, добавочный номер телефона тоже был 17. Так нас для краткости и называли. Слышал про Абу Хасана?

Про легендарного Али Хасана Саламе, или, как его называли бойцы, Абу Хасана, часто рассказывали и инструкторы в Шатиле, и соседи по долгому сидению в подвале.

– Конечно! – кивнул Шакиб. – Это ведь он спланировал захват израильской сборной на Олимпиаде в Мюнхене.

– К захвату он имел лишь косвенное отношение, зато для охраны первых лиц ООП Абу Хасан сделал немало. Моссад об него зубы обломал.

– Так вы охраной занимаетесь... – разочарованно потянул Шакиб.

– И охраной, и разведкой, и контрразведкой. Спецоперации на территории врага – тоже наша задача. И друзья твои именно там и пригодятся.

– А со мной что будет?

– С тобой все будет хорошо – учиться тебя отправим.

– Как учиться?! Все будут сражаться, а я – за партией сидеть! – от обиды у Шакиба даже перехватило дыхание. – Я что – недостойн?

Имад водрузил на нос очки и стал бегать глазами по документам, лежавшим перед ним.

– Ты – единственный из вас троих закончил среднюю школу... английский знаешь..., ...работал водителем грузовика..., – Имад перевернул страницу, – даже вот успел учителем в деревне поработать. Математику преподавал.

– Я – не белоручка! – воскликнул Шакиб. – Я – солдат!

– Солдат, солдат, – успокоил его собеседник. – Только простых бойцов и без тебя хватает. А нам теперь грамотные специалисты нужны. Мы стали получать через сирийцев и «Грады» советские, и 130-миллиметровые орудия. Управление приводим в порядок. То есть, становимся настоящей армией, а профессиональных военных почти нет. Сейчас на территории Фатх-лэнда работают советники из ГДР, но ты поедешь в военное училище на пару лет.

– А где у нас училище? В Ливане?

– Пока что нет. Арафат договорился с русскими, и теперь наши учатся в СССР. Очередная группа полетит из Йемена через три месяца.

* * *

Местный рынок даже из окна автобуса поразил Аллу своими красками. Ленинградские магазины, а особенно Гостиный двор и Пассаж нельзя было назвать скудными. В принципе, там было все: зимняя и летняя обувь, белье, верхняя одежда и галантерея. Все было прочное и добротное, соответствовало ГОСТам и гигиеническим требованиям. Вот только цвета для этой продукции явно подбирали пожилые тетки, сидящие в кабинетах, стены которых каждые пять лет красили дежурной масляной краской уныло-зеленого цвета. И единственным ярким пятном такого помещения был пыльный фикус в углу. Обувные отделы радовали разнообразными оттенками черного и коричневого, а женские пальто могли быть только «практичных» цветов – немарких темно-зеленого или бордо. Немного веселее выглядела детская одежда – там допускались коленкоровые аппликации и крупная клетка. Иногда на улице возле универмага или прямо в проходе появлялся стол на металлических ножках. Для опытного покупателя это был верный знак – здесь сейчас «выбросят» дефицит. Время стоило дешево, и люди терпеливо выстраивались в очередь неизвестно за чем. И ждали. Надо сказать, что ждали не зря – опытные товароведы знали, что отправить «на точку». Импортная обувь могла быть любого цвета радуги, японские и финские куртки напоминали светофор, а югославское женское белье опровергало тезис о том, что лифчик может быть только бледно-розовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.